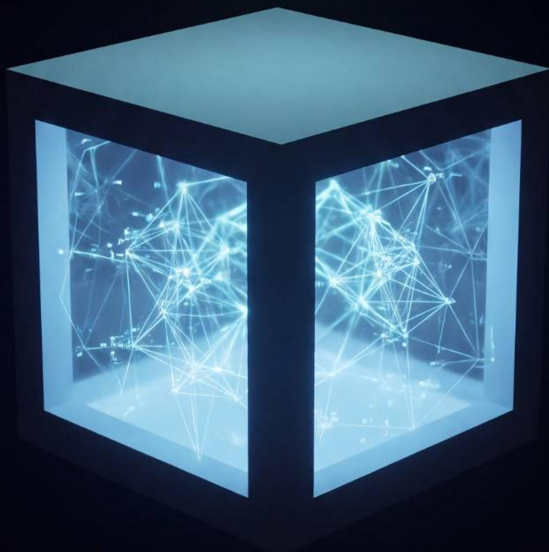

Геннадий Тараненко

ФИЛОСОФСКОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ ЦИННИКА,
или как меня похитили
инопланетяне

Геннадий Тараненко

Философское путешествие циника, или как меня похитили инопланетяне

<https://litres.ru/74519893>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вас похитили инопланетяне. Не чтобы изучить вашу анатомию. Не чтобы показать Сатурн. А чтобы сделать вас... циником.

Зеленый дедушка с третьим глазом, который видит кредитную историю собеседника, объяснит, почему ваше тело — это уродский скафандр, забытый в шкафу Вселенной. Почему корпоратив — это алгоритм коллективного самоуничтожения. Почему свадьба — протокол взаимного поглощения ресурсов. А МФЦ — бумажный минотавр, жрущий ваше время.

Но главное — он покажет, что истинный циник на самом деле самый отчаянный романтик. Тот, кто просто устал от багов в коде человечества.

Книга для тех, кто хочет перестать притворяться и наконец увидеть свои собственные звезды.

Геннадий Тараненко

Философское путешествие

циника, или как меня

похитили инопланетяне

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тебя похитили, оцените качество обслуживание

Давайте на мгновение представим, что вас похитили инопланетяне. Вот так, запросто. Вошли в дом без стука и без приглашения, нагло перемигиваясь всеми огоньками, какие только предусмотрены (и не предусмотрены) межгалактической техникой безопасности. Даже новогодняя ёлка ведёт себя скромнее. Особенно в феврале, когда чувствует, что ско-

ро её вынесут на помойку, и понимает: яркость гирлянды — слабый козырь в борьбе за выживание.

Гости из космоса взяли ваше тело (допустим, под мышки) вместе с больной спиной, недопитым чаем и планами на выходные и перенесли его на корабль. Вернее, чай оставили. То ли побрезговали, то ли три ложки сахара показались им ядом, коварно заготовленным специально к их визиту.

Корабль оказался похож на тарелочку с голубой каёмочкой. Только вместо хорошего куска мяса, посыпанного душистой зеленью, внутри находилась конструкция, от которой плавилась логика и вставляли дыбом волосы. Слюна, впрочем, выделялась в обоих случаях, но во втором — от ужаса. Организм вообще не слишком изобретателен: на принципиально разные события у него нередко припасена одна и та же жидкость.

Первый вопрос в такой ситуации банален:

— Зачем?

Второй чуть унизительнее:

— А вы точно по адресу?

Что во мне такого, чтобы заинтересовать галактический разум? К вечеру болит спина, голова временами кружится, холестерин зашкаливает. Если вам нужен образец совершенного организма, могу только посочувствовать вашей разведке.

Ответили быстро. Что-то прожужжали на своём наречии, и крошечное устройство у меня в голове, о существовании

которого я ещё минуту назад не подозревал, перевело это в сухой, почти канцелярский текст:

«Чтобы сделать тебя циником».

Ни много ни мало. Не вылечить спину. Не показать Са-турн и чёрные дыры. А превратить в Ц-И-Н-И-К-А.

Согласитесь, не каждый день становишься жертвой зелёных человечков. Но после таких слов удивление неизбежно пересиливает страх, это я вам гарантирую. Когда тебя похищают ради опытов, хотя бы понятен жанр. А здесь что? Выездной семинар? Курсы повышения квалификации с принудительной доставкой слушателя?

— Меня? — переспросил я.

Самый зелёный из присутствующих, видимо главный лектор по анатомическому абсурду, склонил голову. Он посмотрел на меня так, как сантехник смотрит на трубу, которую хозяин квартиры самостоятельно починил скотчем. И начал лекцию.

— Вам никогда не казалось, — прожужжал он прямо в мой новенький имплант, — что ваше тело — не уютный скафандр для сознания, а чей-то прототип, забытый в шкафу Вселенной?

Я хотел уточнить насчёт импланта, который они, судя по всему, вживляли прямо по ходу беседы в мой слабый, склонный забывать даже элементарные вещи мозг. Но меня не спрашивали.

— Две руки. Почему две? Их должно быть хотя бы три:

для бокала, сигары и гранаты. Чтобы быть готовым к любому повороту беседы. Два глаза — тоже сомнительная экономия. Где третий, который заглядывает в самую глубину собеседника и видит его кредитную историю?

Он приблизился к моему лицу.

— Нос. Отдельно выступающий датчик запахов. Зачем его вынесли так далеко? Почему он не убирается?

Я невольно потрогал нос. До этой минуты он меня вполне устраивал.

— А питание? — продолжал лектор. — Вы помещаете другие организмы внутрь себя через отверстие, называемое ртом, перерабатываете их, а потом вынуждены регулярно уединяться, чтобы избавиться от последствий. А в перерывах между этими процедурами рассуждаете о возвышенном. Вас самих ничего не смущает?

Зелёный дедушка ухмыльнулся, обнажив зубы, явно не предназначенные для моркови. Почему дедушка? Не знаю. Я сразу понял, что ему несколько тысяч лет. Только древний мудрец способен настолько устать от чужой биологии.

Я стоял перед ним совершенно голый, как когда-то в больнице перед врачами и молоденькими медсёстрами: слегка сутулый и, кажется, мечтающий поскорее добраться до туалета. Защищать человеческую конструкцию в таком положении было явно неудобно. Посыл, в общем, был понятен: ты — ходячая ошибка дизайна.

И тут лектор сказал то, ради чего, как выяснилось, всё и

затевалось:

— Мы начинаем с тела, потому что оно ближе всего. Вы живёте в нём с рождения и потому перестали его замечать. Привычка — лучшее обезболивающее для абсурда. Но если вы сумеете увидеть странность в собственном носе, то однажды увидите её и в своих законах, обычаях и очередях. Сначала научитесь смотреть на себя со стороны. Всё остальное — дело техники.

И я понял: железо они трогать не собираются. Попробуют обновить софт.

Пожалуй, пора представиться. Меня зовут... А впрочем, какая разница. Я создал театр в Геленджике и покрасил в нём стены в чёрный цвет, чтобы зритель не отвлекался на быт, а смотрел в бездну. Хотя подозреваю, что иной зритель, глядя на эти стены, думает о том, что дома пора бы переклеить обои. Тут уж ничего не поделаешь: у каждого своя бездна. Ещё я снимаю кино и, когда есть желание, участвую в фестивалях, где люди собираются вместе и делают вид, что искусство спасёт мир. Мир на эти фестивали обычно не приезжает. Присылает привет и повышает стоимость аренды кинозала.

Ух ты. Представился — и сразу себя захвалил. Ещё немного, и придётся вручить себе очередной диплом.

Именно здесь, в моём чёрном ящике, ближе к полуночи, когда город наконец затихает, а море шепчет что-то об энтропии, ко мне приходят мысли. Возможно, умные. Но-

чью это трудно определить. Иные выглядят гениальными до первой утренней чашки кофе, а потом хочется тихо удалить файл и ни с кем не встречаться. Но эти почему-то задержались. Я решил их не столько систематизировать, сколько разобрать: высыпать на стол, как бочонки лото, повертеть в руках, присмотреться к цифрам. А потом расставить в совершенно ином порядке, не в том, к которому нас приучили.

Потому что зелёный дедушка кое в чём был прав. Взгляд со стороны — это первый шаг. Если собственное тело, с которым прожил не один десяток лет, вдруг кажется нелепой конструкцией, стоит лишь посмотреть на него чужими глазами, то что же тогда говорить о мире, который мы вокруг этого тела построили? Тело устроено странно. Но общество заслуживает отдельной экспедиции.

Спина хотя бы болит честно. Она не утверждает, что делает это исключительно в ваших интересах.

Земная жизнь — не хаос. Понимаю, смелое заявление для человека, который регулярно записывается к врачу на техосмотр. И всё же это система: строгая, местами устойчивая и до неприличия изобретательная. Просто её настоящие правила редко совпадают с теми, что висят на табличке у входа. На табличке написано: «Человек рождён, чтобы быть самим собой». Под табличкой сидят сорок человек. Тебя просят быть собой, а потом долго объясняют, каким именно собой следует быть. Призывают говорить правду — желательно приятную, в подходящий момент и после предварительного

согласования. Сначала это раздражает. Потом утомляет. А потом становится интересно: как всё это вообще работает?

Вот тут я и решил применить системный подход, теорию графов и матричный анализ. Да-да, к людям. К существам, которые могут три дня не отвечать на сообщение, потому что не знают, как вежливо написать «нет», а потом обижаются, что им больше не пишут.

Мы рассмотрим цинизм не как моральное разложение, а как оптику. Как инструмент, который снимает с вещей праздничную упаковку и показывает, как они устроены на самом деле. Цинизм в этом смысле похож на взгляд инопланетянина: он не принимает ничего на веру только потому, что «так принято», и задаёт неудобный вопрос «зачем?» там, где все давно перестали его задавать. Это алгоритм выживания среди правил, набранных мелким шрифтом. И, возможно, один из самых действенных способов трезво оценить то, что происходит на Земле.

Впрочем, мы проверим, действительно ли он так эффективен, как уверяет мой зелёный преподаватель. У того, между прочим, тоже нет оснований рассчитывать на моё безусловное доверие: наше знакомство он начал с похищения.

Мы построим графы социальных связей, где узлами станут наши маски, а рёбрами — взаимные претензии. Посмотрим, сколько обид способна выдержать одна дружба и почему некоторые отношения держатся исключительно на том, что участники редко видятся. Вычислим матрицу, которая

превращает наивного идеалиста в усмехающегося наблюдателя. Выясним, какие преобразования сохраняют любовь, деньги и родительский чат.

Попробуем доказать теорему о том, что в современной системе искренность — критическая уязвимость. А если не докажем, придётся выяснять, почему она порой оказывается сильнее всех наших хитроумных защит. Это будет особенно неприятно. Но интересно.

А помогать мне будут Они. Те самые. Их бортовой журнал, протоколы наблюдений и язвительные комментарии к нашим земным ритуалам станут каркасом этой книги. Мы сходим в МФЦ за справкой об отсутствии задолженности и задумаемся, почему отсутствие чего-либо порой требует более убедительных доказательств, чем наличие. Слетаем в гости к Диогену Синопскому.

Инопланетяне будут записывать. Я — объяснять, что у нас так принято. Чувствую, довольно скоро эта фраза начнёт раздражать меня самого.

Конечно, здесь полагается вспомнить Древнюю Грецию, а точнее киников, которых мы привыкли считать предками нынешних циников. Хотя родство тут сложнее, чем кажется, но семейные разборательства оставим на потом.

Диоген жил в огромном глиняном сосуде — пифосе, который мы упорно называем бочкой, — и попросил Александра Македонского не загораживать ему солнце. Представляете уровень бытовой независимости? К тебе приходит человек,

способный завоевать полмира, и предлагает исполнить любое желание, а ты просишь его немного подвинуться.

А что, если жилище Диогена было первой изолирующей капсулой для наблюдения за системным сбоем под названием «человеческая цивилизация»? Сидишь себе, смотришь. Имущества почти нет — отбирать нечего. Карьеру не строишь — социальная лестница тебе безразлична. Одобрения не ищешь — пристыдить тебя затруднительно. Неудобный человек: к нему почти не к чему подключить рычаги управления. Третьего глаза у Диогена, вероятно, не было. Но кое-что он видел лучше нас. Потому что смотрел со стороны.

Так что пристегните ремни.

И, пожалуйста, не стесняйтесь своего внутреннего уродства. Не спешите его прятать, припудривать или объяснять трудным детством. Сначала посмотрим, как оно устроено. Возможно, половина деталей вообще не ваши: достались по наследству, а инструкцию никто не оставил.

Зелёный дедушка уже включил приборы. Я на всякий случай спросил, можно ли отказаться. Он сделал вид, что не понимает человеческой речи.

Хорошее начало.

Мы приступаем к калибровке вашего внутреннего циника.

ЧАСТЬ I.

МАТРИЦА И ГРАФЫ ДРЕВНОСТИ

(Теория)

ГЛАВА 1.

Диоген в бочке: первый изолированный узел в графе абсурда и протокол «Не заслоняй мне солнце»

Зеленый дедушка протянул мне прозрачную емкость. Напиток внутри визуально напоминал жидкий азот, а на вкус был как концентрированное человеческое разочарование, разбавленное минералкой. К счастью, мой новенький имплант уже научился фильтровать термические ожоги, оставляя в сознании лишь легкую эстетическую грусть. Пока я пытался понять, в какой орган уходит эта субстанция, инопланетянин приступил к вводной лекции.

— Вы, люди, смотрите на собственную историю до неприличия наивно, — прожужжал переводчик в моей голове. — Как на прямую линию: от волосатой обезьяны с палкой к сутулому человеку со смартфоном. Это фундаментальная ошибка. История — это не вектор. Это топология сети. Мы смотрим на цивилизацию через графы. И, черт возьми, он был прав.

Если очистить Древнюю Грецию от романтической пыли и мраморных развалин, то Афины V века до нашей эры выглядели как перегретая серверная комната. Плотнейший кластер узлов — философы, ораторы, стратеги, торговцы, — которые непрерывно генерировали колоссальный объем социального тепла при крайне низком КПД полезного света. Сократ отправлял бесконечные поисковые запросы, Платон проектировал архитектуру баз данных для идеального государства, Аристотель создавал строгую классификацию фай-

лов. Это был непрерывный обмен пакетами данных, сопровождавшийся спорами, обидами и вечерними возлияниями. Но в любой перегруженной системе рано или поздно возникает аномалия. Сбой алгоритма. Узел, который принципиально отказывается участвовать в кластеризации. Звали этот системный сбой Диоген Синопский.

Зеленый дедушка испытывал к Диогену почти трогательную нежность. По инопланетной шкале, Диоген был первым землянином, который интуитивно раскусил главную тайну биологического существования: человеческое тело — это весьма средний, постоянно протекающий скафандр, и тратить жизнь на обслуживание его социальных капризов — термодинамическое преступление. Давайте разобьем феномен Диогена с помощью строгой оптики системного анализа.

Среднестатистический человек — это *highly connected node*, узел с запредельной плотностью связей. У вас тысячи входящих ребер: «ты должен», «от тебя ждут», «соблюдай приличия», «позвони маме», «заплати налоги», «будь удобным для коллектива». И тысячи исходящих: «мне нужно», «я хочу производить впечатление», «давайте объединимся». Поддержание этой сложнейшей паутины требует гигантских ресурсов. Вы работаете на износ просто для того, чтобы ваш личный граф не рассыпался под тяжестью чужих ожиданий.

Диоген совершил то, что современному человеку кажется абсолютным безумием: он намертво обрубил все свои социальные связи. Он наглухо перекрыл любые входящие запро-

сы от общества. Ноль обязательств, ноль имущества, за которое нужно переживать, и полная глухота к чужому мнению. Зато свой собственный голос он включил на полную громкость. Диоген принципиально не принимал чужие правила, советы и претензии, зато щедро транслировал окружающим концентрированный сарказм, очищенный от малейшего намека на вежливость.

В результате философ достиг редкого термодинамического идеала. Затраты энергии на поддержание системы упали до технологического минимума, а информационный след — его влияние на умы современников и потомков — устремился к бесконечности. Диоген стал точкой локальной математической сингулярности. И вот здесь мы подходим к ключевому инциденту, который инопланетные наблюдатели помечают в своих бортовых журналах ярким красным маркером. К точке столкновения двух радикально противоположных сетевых топологий: встрече Диогена и Александра Македонского.

Представьте себе Александра. В терминах теории сетей он — абсолютный Хаб. Центральный суперконнектор, который физически связал между собой дотоле непересекающиеся сегменты планетарного графа. Он завоевал пространства, проложил маршруты, объединил народы. У него миллионы входящих и исходящих связей. Он — ходячая матрица успеха, власти, экспансии и предельной социальной интеграции. И вот этот Хаб, в сияющих доспехах, окруженный свитой из

генералов и почитателей, прибывает свой кортеж к окраине Коринфа, где на пустыре лежит изолированный узел. Диоген греется на солнце, устроившись в своем пифосе.

Кстати, о бочке. Земные историки до сих пор спорят, была ли она деревянной или глиняной. Зеленые гости лишь качают головами: естественно, это был пифос — большой керамический сосуд для хранения зерна или вина. Но с точки зрения инопланетных аналитиков, пифос — это вообще не бытовой объект. Это первая в истории человечества портативная капсула сенсорной депривации. Пассивный терморегулятор из неглазурованной глины, минимизирующий площадь контакта с агрессивной внешней средой и эффективно экранирующий владельца от социального шума.

Александр нависает над лежащим философом. Тень от его великолепного султана и доспехов перекрывает поток видимого излучения. Затем Владыка мира активизирует стандартный протокол Хаба:

— Я — Александр, великий царь. Проси у меня чего хочешь. Любое желание, любое количество ресурсов — и я добавлю это в твой граф.

В земной системе координат это предложение выглядит как наивысшая награда, мгновенная доступность любых апгрейдов: богатство, статус, земли, свита. Диоген лениво открывает один глаз (по версии зелёного дедушки, оставшиеся два он просто держит в энергосберегающем режиме) и произносит фразу, которая навсегда порушила царю всю ло-

гику маршрутизации:

— Отойди. Ты заслоняешь мне солнце.

Давайте вдумаемся в этот ответ. Это не банальная дерзость бродяги, выпившего лишнего. Это фундаментальный сбой протокола связи. Александр обращается к нему в метриках социальных, политических и материальных. Он предлагает сложную надстройку над реальностью. Диоген отвечает из метрик физических и биологических.

Для Диогена солнце — это единственный невозпроизводимый внешний ресурс, который действительно необходим его биологическому скафандру для синтеза витаминов и поддержания банальной температуры тела. Александр со всеми своими армиями, победами, золотом и историческим величием в данной конкретной точке пространства — всего лишь плотный физический объект, блокирующий поток фотонов. Он не ресурс. Он — помеха в оптическом диапазоне.

И Александр — надо отдать должное его уму — этот сбой моментально осознал. Его внутренний алгоритм на секунду завис. Он понял, что перед ним не просто нищий, а существо, выскочившее за пределы управляемой матрицы. Именно поэтому царь позже произнесет фразу, ставшую классикой: «Если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном».

В переводе на язык системного анализа это признание звучит так: «Если бы я не был вынужден работать центральным процессором, обрабатывающим терабайты чужих пре-

тензий, войн и амбиций, я бы с радостью перевел систему в режим read-only и ушел в автономную изоляцию».

Зеленый дедушка, завершив этот фрагмент лекции, с уважением постучал по столу длинным пальцем с несколькими фалангами.

— Видишь? — прожужжал переводчик. — Ваш первый настоящий циник понял главное. Цинизм — это не злость, не обида на мир и не желание измазать грязью чужие костюмы. Цинизм — это радикальная оптимизация восприятия. Это умение увидеть, что король голый, и сказать об этом не для того, чтобы оскорбить монарха, а просто чтобы констатировать физическое отсутствие текстильного покрытия на объекте.

Я замолчал. И перед глазами снова всплыл мой театр в Геленджике. Я вспомнил, как лично подбирал краску для стен — глубокий, матовый, максимально поглощающий свет черный цвет. Зачем я это делал? Чтобы зритель, вырвавшийся из своего перегретого социального графа, из бесконечного потока уведомлений, долгов и бытовых ролей, попадал в пространство, где отсутствует визуальный шум. Черные стены работают точно так же, как глиняный пифос Диогена: они отсекают лишние отражения. Они оставляют человека наедине с собой и с тем единственным лучом света на сцене, который не заслоняют чужие ожидания. Мы все носим в себе Александра. Мы одержимы идеей расширения: захватить чуть больше территории, накопить больше связей, ку-

пить побольше вещей, обвешать свой нелепый биологический скафандр дипломами и статусами, лишь бы заполнить ноющую пустоту внутри. Но где-то в самой глубокой подкорке нашего мозга все еще дремлет Диоген. И единственное, чего он на самом деле хочет от этой Вселенной, — чтобы очередная проходящая мимо важная персона просто подвинулась и не заслоняла ему солнце.

Эта книга — не инструкция по превращению в бездомного бродягу. Это попытка откалибровать вашего внутреннего Диогена. В отличие от древнего грека, мы не будем отказываться от благ цивилизации и перебираться в бочки. Но мы вооружимся системным анализом. Мы научимся находить фальшивые, паразитные ребра в наших личных графах и безжалостно их обрезать.

Однако перед тем, как мы начнем анализировать современные матрицы, нам предстоит понять: как именно общество убеждает нас обрастать этими ненужными связями? Каким образом из нас с самого детства программируют «удобные, послушные узлы»?

Зеленый дедушка хитро ухмыльнулся, словно прочитав мои мысли, и вытащил из складок своего космического одеяния странное устройство, отдаленно напоминающее плоский смартфон с тремя гибкими экранами.

— А теперь, — прожужжал он, — давай посмотрим на протоколы вашей современной матрицы смежности. Сразу предупреждаю: результат вам вряд ли понравится.

ГЛАВА 2.

Матрица смежности: кто кого «разводит» на планете Земля, или теорема о фатальности искренности

Зеленый дедушка положил на край стола свой трехэкранный гаджет. Поверхности прибора не просто светились — они пульсировали в рваном ритме, пока по ним ползли бесконечные колонки нулей и единиц. Время от времени эти цифры сливались в плотную информационную кашу, а затем вновь выстраивались в безупречные геометрические фигуры.

— Вы, люди, ужасно любите слово «матрица», — прожужжал переводчик, пока дедушка ловко перебирал экраны своими semifаланговыми пальцами. — Но понимаете вы его предельно наивно. Вы представляете себе матрицу как мрачный инкубатор, где вас подключили к кабелю и качают из вас электричество, пока вы спите. Какая примитивная биологическая фантазия! Всё гораздо прозаичнее. Ваша матрица — это обычная матрица смежности. И она держит вас крепче любых стальных цепей.

Я припомнил университетский курс теории графов. В математике матрица смежности — это простая квадратная таблица. Она показывает, есть ли прямая связь между узлами сети. Если узел А подключен к узлу Б, на пересечении их строки и столбца ставится единица. Если связи нет — пишется ноль. Элементарно.

Но на Земле, как немедленно пояснил зеленый исследователь, эта математическая абстракция работает по весьма специфическому, неевклидовому закону.

— В вашей социальной сети единица на пересечении означает не факт искренней связи, — продолжал инопланетянин. — Она лишь фиксирует уровень взаимно согласованного лицемерия, необходимого для того, чтобы узелки не переругались в первые пять минут общения.

Он развернул один из экранов ко мне. На нем вспыхнула схема человеческого утра.

— Посмотрите на свой типичный день. Вы просыпаетесь в своем сутулом скафандре и плететесь на кухню. Ваша жена, сосед или коллега задает стандартный биометрический вопрос: «Как дела? Как спалось?».

В этот момент ваш внутренний процессор выдает честный первичный массив данных: «У меня раскалывается голова, спина болит, мне приснился ужасный бред про налоги, и вообще я не уверен, что вижу смысл в сегодняшнем дне».

Но на внешний интерфейс вы выдаете строго отфильтрованный шаблон: «Отлично! Все супер, а у тебя?».

В этот момент в вашей социальной матрице смежности вспыхивает аккуратная единица. Связь подтверждена, рукопожатие состоялось. Но реального обмена информацией не произошло! Вы просто выполнили технический протокол безопасности, предохраняющий систему от спонтанного сбоя.

Общество дрессирует нас на использование этих шаблонов с самого детства. Как только вы начинаете осознавать себя отдельным узлом в этом огромном графе, вам вручают

негласную инструкцию: «Никогда не транслируй во внешнюю сеть истинные значения своих внутренних переменных».

И вот тут мы подходим к главному математическому выводу, который инопланетные аналитики сделали за тысячелетия наблюдений за нашей планетой. Они сформулировали Теорему о фатальности искренности.

Звучит она следующим образом: в современной земной системе абсолютная искренность является критической ошибкой вычислений, приводящей к мгновенному разрыву связи и аварийному отключению узла от сети.

Давайте проверим эту теорию на классическом земном испытании — собеседовании при приеме на работу. Это абсолютный стресс-тест для матрицы смежности.

Сценарий А (Искренность как необработанное исключение):

HR-менеджер (Узел А): «Расскажите о своих слабых сторонах?»

Кандидат (Узел Б, временно отключивший сетевые фильтры): «Я искренне не переносу людей, меня тошнит от ваших корпоративных лозунгов, я буду имитировать бурную деятельность, уходить ровно в шесть и при любой возможности воровать канцелярию. А на вашу компанию мне плевать — мне просто нужны деньги, чтобы покупать еду для моего постоянно болящего скафандра».

Реакция системы: КРИТИЧЕСКАЯ ОШИБКА. СВЯЗЬ РАЗОРВАНА. УЗЕЛ Б ИСКЛЮЧЕН ИЗ СЕТИ. (Вам перезвонят. Никогда).

Сценарий Б (Лицемерие как системная оптимизация):

HR-менеджер (Узел А): «Расскажите о своих слабых сторонах?»

Кандидат (Узел Б, использующий стандартный проверенный алгоритм): «О, я ужасный перфекционист! Иногда я так погружаюсь в задачи компании, что совершенно забываю об отдыхе и работаю во вред собственному сну».

Реакция системы: СВЯЗЬ УСТАНОВЛЕНА. РЕСУРСЫ ВЫДЕЛЕНЫ. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В КОМАНДУ.

Чувствуете разницу? Искренность для земного общества — это сырой, необработанный код. Она ломает привычный алгоритм. Она требует от окружающих колоссальных эмоциональных и вычислительных затрат на обработку информации, к которой они абсолютно не готовы.

Поэтому социальная система Земли построена на буферах обмена. Настоящие эмоции в них аккуратно сглаживаются, упаковываются и заменяются понятными, безопасными аватарками. В итоге мы все вынуждены круглосуточно транслировать фальшивый сигнал.

Начальник произносит: «Мы — одна большая семья» (в матрице горит единица, хотя в реальности вы для него — просто взаимозаменяемая деталь). Сотрудник отвечает: «Я

всей душой горю нашим проектом» (в матрице снова единица, хотя в реальности он мечтает дотянуть до пятницы и не сойти с ума). Знакомые при встрече восклицают: «Надо обязательно как-нибудь собраться и посидеть!» (в матрице горит жирный плюс, но оба прекрасно знают, что не увидятся ближайшие года три).

И дело тут не в человеческой злобе или испорченности. Это чистая термодинамика социальных сетей. Поддерживать честные, глубокие связи со всеми узлами вокруг — невероятно тяжело. На это просто не хватит ресурсов психики. Куда проще сгенерировать шаблонный ответ, подмахнуть матрицу смежности фальшивой единичкой и пойти дальше, экономя энергию.

Я слушал жужжание переводчика и невольно вспомнил свой театр в Геленджике. Я вспомнил, как стоял со стремянкой и лично выкрашивал стены зала в глубокий, абсолютно матовый черный цвет. Только сейчас, на инопланетном корабле, до меня дошел истинный смысл этого действия. Это был не просто оригинальный интерьерный ход. Это был осознанный акт саботажа против земной матрицы смежности.

Когда человек переступает порог абсолютно черного зала, его социальные датчики на время выходят из строя. В полной темноте вы физически не можете считывать чужую мимику. Вы не видите, кивает ли вам сосед, оценивает ли он ваш костюм, нахмурился ли он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.